

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАННЕАНДРОНОВСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ ПРИТОБОЛЬЯ СО СЛЕ- ДАМИ ОГНЯ

А. В. Матвеев

The evidences of funeral rites with fire have been found during excavations of many andronovsky burials and not only fedorovsky to which they are typical but alakulsky as well. Studying the last materials from Transural let us constate that in this region cremation and burning in burials were used only for women of different ages. It is interesting that there are many double funerals. Another peculiarity is rich decoration of the deceased, they were well-dressed and with numerous adornments. In case further investigations aprove a non-ocasional character of the stated peculiarities connection of funeral rites, staff of the buried people, their appliances we'll receive data witnessing not about the reasons of death and not about the special living status of persons having been cremated in the funeral pile or burnt in their graves but that in a hereafter they will play a special role. The answer to the question about the role may be given by further investigation of eskhathological concept of early andronovsky groups.

Свидетельства совершения ритуалов захоронения с использованием огня отмечены при раскопках многих андроновских могильников, причем не только федоровских, для которых они считаются наиболее характерными, но и алакульских [Сорокин, 1962, с. 53, 54; Федорова-Давыдова, 1973; Хлобыстина, 1976; Зданович, 1988, с. 143; Усманова, 1985; 1987; 1988; 1991; 1992а; 1992б], а также несколько более древних [Генинг, 1977, с. 70–72]. При этом сосуществование в алакульской погребальной обрядности ингумации как основного способа погребения умерших и значительно более редкой их кремации обычно объяснялось гипотезами об особом положении лиц, погребенных с использованием огня, специфических причинах их смерти, а также рассматривалось как свидетельство взаимодействия алакульских и федоровских групп. Изучение материалов алакульских некрополей подтаежного Притоболья и сопредельных районов если и не опровергает эти заключения, то, во всяком случае, демонстрирует возможность принципиально иной интерпретации раннеандоновских могил со следами совершения огненных ритуалов.

В конце 1970 — начале 1990-х гг. на территории подтаежного Притоболья, где северная зауральская лесостепь переходит в подзону мелколиственных лесов — своего рода южную кромку западносибирской тайги, было исследовано сразу несколько памятников алакульской культуры. В их числе Чистолебяжский некрополь на севере Курганской области, раскопки которого в конце 70-х гг. были начаты В. А. Могильниковым [Могильников, 1980; 1984; Могильников, Куйбышев, 1991] и продолжены автором данной статьи [Матвеев, Матвеева, 1984; Матвеев, Асташкина, Никитина, 1989], а также расположенный на юге Тюменской области Хрипуновский могильник, открытый и исследованный экспедицией ИПОС СО РАН совсем недавно [Матвеев, Матвеева, Зах и др., 1994]. Эти памятники, как и поселение Ук 3 у г. Заводоуковска, изученное в 1988–1989 гг. екатеринбургскими археологами [Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991], можно обоснованно соотносить с самой северной из ныне известных групп алакульского населения, сформировавшейся на периферии андроновского мира достаточно рано — не позднее чем в первой четверти II тыс. до н. э. и, безусловно, относящейся к дофедоровскому периоду [Матвеев, Матвеева, Зах и др., 1994, с. 16–18; Матвеев, 1995].

При раскопках Чистолебяжского и Хрипуновского могильников изучено 115 погребений эпохи бронзы: 90 в первом из названных памятников и 25 во втором. В количественном отношении полученная выборка уступает сериям захоронений, исследованных в лесостепном Притоболье и сопредельных с ним районах Урала и Казахстана. Тем не менее она позволяет охарактеризовать некоторые особенности обряда захоронения раннеандоновских групп данного района, погребальные сооружения и ритуалы которых долгое время оставались совершенно неизученными.

В силу того что ни один из рассматриваемых некрополей не исследован полностью и большинство обнаруженных в них гробниц оказались разграбленными, их материалы почти не пригодны для палеодемографических реконструкций. Однако составить хотя бы самое общее представление об основных категориях лиц, погребенных в данных могильниках, все же необходимо.

В общей сложности в изученных гробницах обнаружены останки 72 человек, 43 из которых были захоронены в Чистолебяжском, а 29 — в Хрипуновском некрополе. Судя по имеющимся палеоантропологическим материалам, каждый из этих памятников характеризуется достаточно своеобразным возрастным составом умерших (табл.).

В первом преобладают останки детей (86,1 %), а во втором — взрослых (62,1 %), хотя не исключено, что это различие связано с недостаточной репрезентативностью выборки, характеризующей захоронения Хрипуновского могильника. Видимо, более достоверную картину рисует суммарная палеоантропологическая серия, примерно треть которой составляют взрослые, а остальную часть — дети и лица, принадлежавшие к юношеской возрастной группе, смертность в которой, судя по всему, была относительно невысокой. Среди детских захоронений обоих некрополей до-

минируют погребения умерших до 7 лет. В Чистослебяжском могильнике они составляют более половины (19 из 37), в Хрипуновском — четыре пятых (8 из 10) от числа всех детских захоронений. Материалы первого из данных памятников указывают на очень высокую младенческую смертность в оставившей его группе: две трети детей возрастной категории до 7 лет (12 из 19) умерли на первом году жизни. До 7 лет скончался и каждый третий ребенок, погребенный в Хрипуновском могильнике. В группе взрослых преобладали лица, умершие в возрасте от 20 до 35 лет, останки которых примерно в равном количестве найдены в обоих исследованных могильниках. Только в Хрипуновском некрополе, и то в минимальном количестве, обнаружены останки людей, скончавшихся между 35 и 55 годами. Ни одно из изученных захоронений не содержало костей, которые принадлежали индивидуам следующей возрастной группы.

На основании сказанного можно предполагать, что для андроновских групп, обитавших в подтаежном Притоболье, была характерна очень высокая детская (в том числе младенческая) смертность, относительно низкая общая продолжительность жизни и свойственная многим архаичным обществам структура взрослого населения, в котором удельный вес старших возрастных групп был сравнительно невелик. Близкие демографические показатели получены М. П. Грязновым при анализе материалов Алакульского могильника [Грязнов, 1956, с. 24], а В. С. Сорокиным — по результатам раскопок некрополя Тасты-Бутак 1 [Сорокин, 1962, с. 52]. Высокий уровень детской смертности и низкая продолжительность жизни характерны и для многих других доисторических обществ Евразии [Алексеев, 1972; Дремов, 1979; Зяблин, 1977, с. 19; Козинцев, 1971].

Таблица

**Возрастной состав погребенных
в Чистослебяжском и Хрипуновском
могильниках (1)**

Возрастная группа	Чистослебяжский могильник		Хрипуновский могильник		Всего	
	Ко-лич.	%	Ко-лич.	%	Ко-лич.	%
Infantilis I (до 7 лет)	19	44,2	8	27,6	27	37,5
Infantilis II (7–14 лет)	6	14,0	2	6,9	8	11,1
Дети (возраст не определен)	12	27,9	–	–	12	16,7
Суммарно . . .	37	86,1	10	34,5	47	65,3
Juvenilis (14–19 лет)	1	2,3	1	3,4	2	2,8
Adultus (20–35 лет)	4	9,3	3	10,4	7	9,7
Maturus (35–55 лет)	–	–	1	3,4	1	1,4
Senilis (более 55 лет)	–	–	–	–	–	–
Взрослые (возраст не определен)	1	2,3	14*	8,3	15	20,8
Суммарно . . .	5	11,6	18	62,1	23	31,9
Итого . . .	43	100,0	29	100,0	72	100,0

* Одному из этих погребенных, судя по клыку, найденному в могиле 13, было около 50 лет.

Преобладание в полученной выборке останков детей осложняет решение вопроса о том, каково было соотношение лиц мужского и женского пола среди погребенных в исследованных могильниках. В результате анализа палеоантропологического материала, происходящего из одиночных, парных и коллективных гробниц, удалось установить пол лишь 22 человек, умерших в юношеском и взрослом возрасте, среди которых оказалось 10 женщин и 12 мужчин.

Несмотря на то, что ингумация является, видимо, основным способом захоронения в Чистослебяжских и Хрипуновских курганах, иногда в погребальных обрядах общин, оставивших эти могильники, использовался огонь, роль которого в данных ритуалах была, судя по всему, далеко не однозначной.

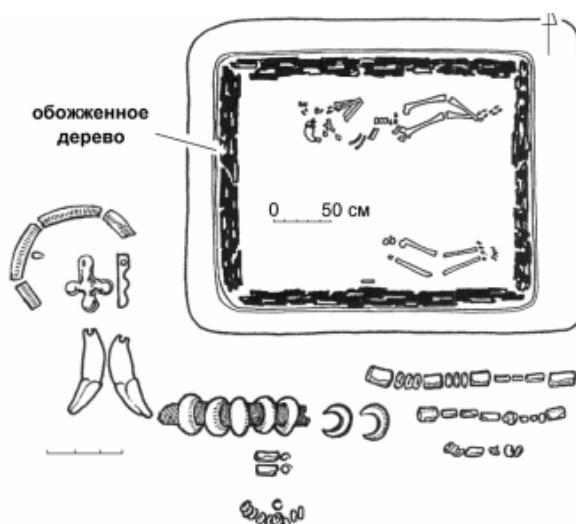
Рис. 1. План и инвентарь могилы 6 кургана 21 Чистослебяжского могильника.

Следами огненных ритуалов являются остатки костров, которые разводились в некотором удалении от гробниц. Участки прокаленной земли обнаружены при раскопках пяти погребальных сооружений Чистослебяжского могильника (кург. 3, 4, 6, 20 и 23). Количество прокалов на площади курганов варьирует от 1 до 4 и, как правило, не соответствует количеству могил. Сосудов, обожженных костей и каких бы то ни было других предметов рядом с кострищами обычно не оставляли, поэтому судить об их назначении трудно. Ясно только, что для отогревания замерзшей земли — если допустить, что часть могил сооружались в зимний период, — эти костры не использовались. Один из прокалов, зафиксированных в кургане 4, частично перекрывал заполнение центральной гробницы и на этом основании может рассматриваться как более поздний, возможно связанный с обычаями поминовения усопших. На исследованной площади Хрипуновского могильника подобных прокалов не обнаружено. Зато остатки костра зафиксированы на дне совсем небольшой ямы, не содержащей ни останков умершего, ни каких-либо вещей.

Другим вариантом использования огня в погребальных церемониях являлось сожжение бревенчатых домовин — не гробов в нашем понимании этого слова, а бревенчатых конструкций, отдаленно напоминавших миниатюрные домики, которые сооружались на дне многих могильных ям. Следы этого обряда обнаружены при исследовании трех могил Чистослебяжского некрополя (кург. 11, мог. 1; кург. 18, мог. 1; кург. 21, мог. 6) (рис. 1) и пяти гробниц Хрипуновского могильника (мог. 4, 7, 8, 10 и 29) (рис. 2–4). Разграбленность большинства из них затрудняет восстановление деталей рассматриваемого ритуала. Так, на дне одной (ЧМ, кург. 11, ^{мог. 1}) удалось зафиксировать лишь легкий прокал, намечавший контуры несохранившейся домовины. В другой (ЧМ, кург. 18, мог. 1) наряду с пятнами обожженной глины обнаружена часть обгоревшего бревна или плахи. В третьей (ЧМ ⁽²⁾, кург. 21, мог. 6; см. рис. 1) обуглившиеся бревна прямоугольной рамы и той части ее поперечного перекрытия, которая не была нарушена грабителями, сохранились значительно лучше, как и обожженный глинистый грунт, заполнявший пространство между краем земляной ямы и стенками домовины. Примерно в таком же состоянии дошли до нас и обгоревшие конструкции в гробницах Хрипуновского могильника, хотя одна из них была разрушена карьером.

Нет оснований сомневаться в том, что сожжение домовин производилось после размещения в них тел умерших и погребального инвентаря. При исследовании парной могилы 7 Хрипуновского некрополя установлено, что лицевые кости черепа одного из погребенных, находившиеся ближе к стенкам домовины, были сильно обожжены, тогда как остальные части скелетов и все обнаруженные в данной гробнице вещи не имели следов воздействия огня (см. рис. 2). Довольно сильно обожженным оказался и сосуд из могилы 4 того же памятника.

Составить представление о круге лиц, при погребении которых практиковалось поджигание домовин, непросто. Судя по размерам, лишь одна из рассматриваемых гробниц — могила 4 Хрипуновского некрополя (1,3? 0,9? 0,3 м) — могла являться детской. Остальные погребальные камеры отличаются значительно большей величиной и, скорее всего, были сооружены для захоронения взрослых. В четырех из них (ЧМ, кург. 11, мог. 1; кург. 18, мог. 1; кург. 21, мог. 6; ХМ, мог. 10) никаких останков погребенных не сохранилось, зато в трех остальных (ХМ, мог. 7, 8 и 29) присутствовали только кости взрослых.

Рис. 2. План и инвентарь могилы 7 Хрипуновского могильника.

Примечательно, что среди лиц, покоившихся в данных гробницах, мужчин, видимо, не было вовсе. В одной из них (ХМ, мог. 7) сохранились скелет женщины 20–25 лет и нижняя часть другого женского костяка, рядом с которыми найдены бронзовые украшения, подвески из просверленных зубов животных и остатки берестяного туюска (?); во второй (ХМ, мог. 8) найдены кости стоп двух взрослых, по крайней мере один из которых, судя по уцелевшим в могиле украшениям (бронзовые бусы, пронизки), являлся женщиной (см. рис. 3); в третьей (ХМ, мог. 29) обнаружен фрагмент челюсти женщины 30–35 лет, а также набор типично женских украшений и амулетов (см. рис. 4). Предполагать захоронение женщины можно и в могиле 6 кургана 21 Чистолебяжского некрополя, где кости не сохранились, но была обнаружена бронзовая бусина.

Рис. 3. План и инвентарь могилы 8 Хрипуновского могильника.

Еще один вариант использования огня в погребальных церемониях предусматривал сожжение тела умершего на стороне. Свидетельства совершения этого обряда зафиксированы лишь однажды — при вскрытии могилы 25 Хрипуновского могильника (рис. 5). Несмотря на то, что в нижней части она была заполнена прокаленным глинистым грунтом с углями, ее стенки не имели следов воздействия огня и высокой температуры. На самом дне погребальной камеры зафиксирована линза мешаного грунта с вкраплениями угольков, комочков обожженной глины и мельчайших фрагментов пережженных костей, а у северо-западного угла — крупный обломок обгоревший плахи или бревна, придавивший находившиеся на дне фрагменты придонной части глиняного сосуда. Видимо, яма была засыпана прогоревшими остатками погребального костра, разведенного на стороне, на глинистой поверхности. У западной стенки могилы, за ее пределами, обнаружены побывавшие в костре черепки. Показательно, что, судя по найденным в могиле вещам (бронзовая бусина, несколько обломков круглой бронзовой бляшки, остатки берестяного изделия со следами прошивки по краю), кремированные останки, помещенные в данную гробницу, также принадлежали женщине.

Следы аналогичных ритуалов отмечены и в алакульских памятниках сопредельных районов. При раскопках могильника Ермак 4 выявлены единичные случаи как сожжения домовины, так и кремации умерших вне погребальных камер [Хабарова, 1993]. Свидетельства совершения того и другого обряда обнаружены Т. М. Потемкиной в андроновских могильниках лесостепного Притоболья. Сгоревшая бревенчатая конструкция с грудкой сожженных костей внутри зафиксирована в

могиле 1 некрополя Раскатиха [Потемкина, 1985, с. 226]. Угlistые пятна прослежены над несколькими большими и малыми гробницами Верхней Алабуги, содержащими остатки домовин [Там же, с. 175, 198].

Лучше других сохранилась большая (2,6×2,4 м) могила 6 данного памятника. В ней находилась подпрямоугольная конструкция, сложенная из обтесанных бревен толщиной 20–30 см, с остатками поперечного перекрытия из плах. Верхняя часть последних обгорела, угlistый слой толщиной 1–2 см отмечен и на дне погребальной камеры. По заключению автора раскопок, на перекрытии домовины был разведен огонь, после чего оно рухнуло, завалив тела погребенных, и вследствие этого некоторые кости умерших и отдельные предметы оказались обожжены. В могиле были захоронены два подростка 12–16 лет, ориентированных в восточном направлении и уложенных у противоположных стенок домовины. В головах одного из них находились два сосуда, бронзовые нож и тесло, кремневый наконечник стрелы и две бронзовые подвески в полтора оборота, покрытые золотой фольгой; в области шейных позвонков и ниже — три низки бронзовых бус, видимо входивших в состав наконечника; на костях предплечий — два желобчатых браслета; у кистей рук — четыре бронзовых перстня со спиралевидными окончаниями; около костей таза — еще три кремневых наконечника стрел; на дистальной части берцовой кости — две низки бронзовых бус, скорее всего являвшихся украшением обуви. В изголовье и в ногах второго погребенного, кость которого был сильно нарушен, стояло по два сосуда. Рядом с одним из них, размещенным в головной части могилы, обнаружены шлифованный каменный пест, шило с остатками деревянной рукояти, кремневый наконечник стрелы и астрагал барана, а чуть ниже — обломки бронзовых бляшек, два браслета и еще одно шило. В головах этого погребенного найдены также остатки берестяного туюска с тисненым орнаментом и следами прошивки по верхнему краю. В нем лежали два бронзовых перстня с закрученными в спирали концами, наконечное украшение, состоявшее из округлых бронзовых бляшек с отверстиями и ребристых обойм с остатками кожаных шнуров внутри, две округлые в сечении ребристые пронизи на таких же шнурах, ромбическая подвеска, два клыка кабана и кремневый наконечник стрелы [Там же, с. 183, 185, рис. 81, 82, 83, 1–5].

Палеоантропологические определения пола погребенных в данной могиле отсутствуют, однако, судя по набору вещей, здесь были погребены две девушки или молодые женщины. Анализ инвентаря алакульских захоронений показывает, что ни бронзовые ножи, ни наконечники стрел не могут служить индикаторами мужского пола умерших. Так, бронзовый обоюдоострый кинжал обнаружен рядом с костями юной женщины в коллективной могиле 13 Хрипуновского могильника [Матвеев, Матвеева, Зах и др., 1994, рис. 4, 1, 2]. О том, что аналогичные предметы не являлись частью специфически мужского погребального инвентаря, свидетельствуют примеры ряда захоронений могильников Верхняя Алабуга [Потемкина, 1985, табл. 17], Камышное 1 [Там же, с. 229, 233], Ермак 4 [Сотникова, 1990, с. 21], Лисаковский [Усманова, 1992б, с. 100], Бестамак [Калиева, Колбин, Логвин, 1992, с. 59] и др., где ножи находились рядом с умершими женщинами или вместе с женскими украшениями.

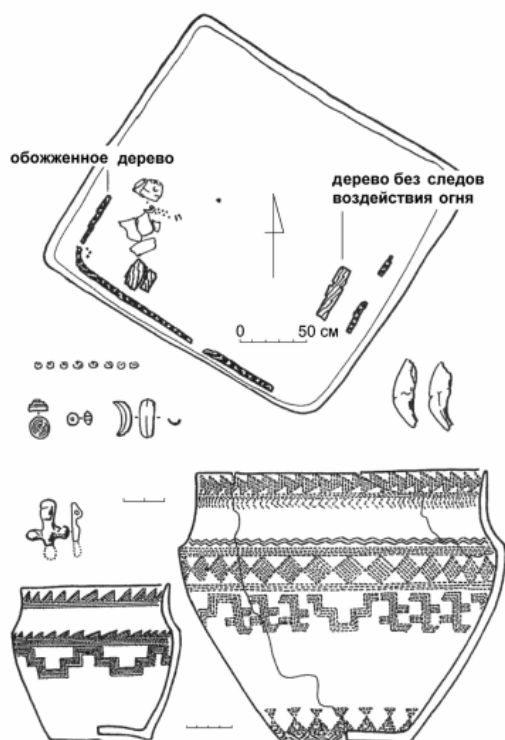

Рис. 4. План и инвентарь могилы 29 Хрипуновского могильника.

Не являются обязательным атрибутом мужских захоронений и каменные наконечники стрел. В Чистослебяжском могильнике они найдены не только в парном погребении мужчины и ребенка (кург. 6, мог. 1) и коллективных захоронениях лиц разного пола (кург. 6, мог. 3), но и в одной из женских могил (кург. 3, мог. 2). При этом в большинстве гробниц вместе с наконечниками обнаружены бронзовые и пастовые бусы, а также другие украшения. Аналогичные случаи не раз фиксировались при раскопках синхронных могильников на сопредельных территориях. В могиле 2 кургана 13 Алакульского могильника, например, кремневый наконечник стрелы найден вместе с бронзовыми и пастовыми бусами, подвеской из клыка животного и роговым псалием, которые сопровождали трех умерших: видимо, пожилую женщину и двух взрослых мужчин [Сальников, 1952, с. 56, 57]. В могиле 35 Верхней Алабуги наконечники стрел найдены вместе с останками взрослой женщины [Потемкина, 1985, табл. 17]. Вместе с типично женским инвентарем каменные, костяные и бронзовые наконечники обнаружены в захоронениях могильников Кулевчи 6 [Виноградов, 1984, с. 139], Жаман-Узен 2 [Ава-несова, 1975, с. 112], Увакском [Федорова-Давыдова, 1962, с. 18], Ермак 4 [Сотникова, 1990, с. 21] и некоторых других.

Поддерживая концепцию индоиранской этнолингвистической принадлежности андроновских групп, логично трактовать случаи обнаружения наконечников стрел рядом с женскими костяками как еще один, хотя и частный аргумент в ее пользу. В заговорах “Атхарваеды” стрелы не раз выступают как магическое средство, призванное обеспечить успешное зачатие сына. “Да войдет зародыш-мальчик в твоё лоно, как стрела в колчан!” — говорится в одном из них [Атхарваеда, III, 23]. Согласно традиционным комментариям, этот и подобные ему заклинания сопровождалось ритуальными действиями с использованием стрел: их ломали над головой женщины, и обломки она брала себе, чтобы носить их в качестве амулетов [Атхарваеда, 1989, с. 224–227, 372]. Не исключено, что именно такими амулетами служили наконечники стрел, входившие в состав инвентаря перечисленных выше женских захоронений. Вполне вероятно также, что аналогичную семантическую нагрузку несли металлические пластинчатые подвески — принадлежность накосных украшений андроновских женщин [Кривцова-Гракова, 1948, с. 68, рис. 39; Виноградов, 1984, с. 139, 142, 143, 147; Евдокимов, Усманова, 1990, с. 67–70, рис. 1; Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 192, 194, рис. 99].

Возвращаясь к материалам, свидетельствующим о связи женских алакульских захоронений с огненными ритуалами, нельзя не упомянуть о данных, полученных Н. Б. Виноградовым при исследовании могильника Кулевчи 6 на юге Челябинской области. В одной из полуопустошенных гробниц этого некрополя, у края которой фиксировался прокол (кург. 1, мог. 3), обнаружены останки двух умерших и вместе с ними обломки бронзового браслета, очковидная бронзовая подвеска, украшения из створок раковин и зубов животных, костяные наконечники стрел, бронзовые и пастовые бусы, а также обломки как минимум трех сосудов [Виноградов, 1984, с. 139]. В другой могиле, сооруженной, судя по ее небольшим размерам, для ребенка, поверх кремированных останков покойного были положены два бронзовых браслета [Там же, с. 140, 141].

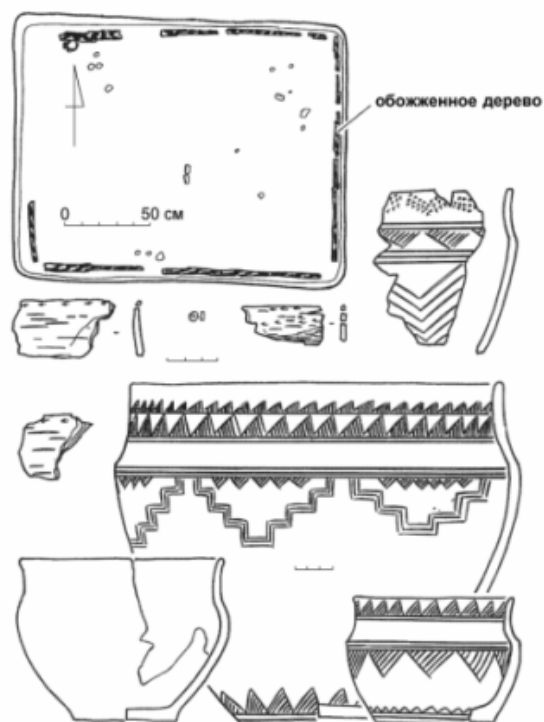

Рис. 5. План и инвентарь могилы 25 Хрипуновского могильника.

Еще более выразительную картину рисуют материалы третьего из захоронений (кург. 3, мог. 2), в которых обнаружены следы совершения церемоний с использованием огня. Остатков домовины в ней, как и в других погребальных камерах могильника, зафиксировать не удалось (3), однако и в северной и в южной ее половинах сохранилось по скоплению мелких кальцинированных костей с угольками, что в совокупности с инвентарем захоронения позволяет рассматривать его как парное, совершенное по обряду трупосожжения. Размещение кремированных останков покойных и их вещей позволило Н. Б. Виноградову предположить, что возле противоположных стенок могильной ямы в момент захоронения находились ориентированные в одном направлении (на ЗЮЗ) “куклы” с прахом усопших [Там же, с. 151]. И хотя это всего лишь гипотеза, следует признать, что предметы, оставленные рядом с пережженными костями, были расположены примерно в таком порядке, в каком они должны были находиться, если бы на дне гробницы лежали трупы умерших.

Рядом с прахом одного из них в головной части могилы обнаружены сосуд и три ребра животного — остаток куска грудинки коровы или лошади (судя по размерам костей). Второй горшок поставлен ближе к центру могильной ямы. Туда, где должна была находиться голова покойного, поверх пережженных костей положен наконечник, состоявший из двух рядов бронзовых обоймочек с листовидными (стреловидными?) подвесками на концах. В противоположном конце скопления кремированных останков сохранились две низки бронзовых бус, как на щиколотках покойниц во многих других андроновских погребениях. Скорее всего, сюда положили обувь умершей. Неподалеку от наконечника и сосуда, стоявшего в головной части гробницы, компактно размещался еще один набор украшений, видимо находившийся в какой-то емкости (мешочке или туеске). В набор входили семь бронзовых браслетов и два височных кольца; восемь бронзовых подвесок в полтора оборота, обернутых золотой фольгой, и фрагменты еще одной (?) без фольги; наконечник, состоявший из крупных бронзовых обойм с чеканным орнаментом, проволочных и пластинчатых пронизей, а также большого количества бронзовых и пастовых бусин; разнообразные подвески: две бронзовые ромбические, пять крестовидных, несколько изготовленных из створок раковин и зубов волка.

Останки второго кремированного находились в северной половине погребальной камеры, куда были помещены два других сосуда, большой камень и еще один кусок грудинки лошади или коровы. Неподалеку от пережженных костей обнаружено большое количество бронзовых и пастовых бусин, фрагменты двух бронзовых пластинок и семь бронзовых браслетов [Виноградов, 1984, с. 142, 143, 145, рис. 2–4]. Инвентарь данного захоронения также свидетельствует о том, что в могиле находились останки двух лиц женского пола.

Детский скелет с бронзовыми браслетами на костях предплечий и низками бронзовых бус в области голеностопного сустава обнаружен под обгоревшим деревянным настилом над могилой 19 Алакульского некрополя [Сальников, 1952, с. 60].

Приведенный обзор позволяет констатировать сходство обрядов сожжения домовин и кремации умерших, которые совершались жителями предтаежного Притоболья и алакульским населением сопредельных территорий, хотя в каждом из этих районов названные ритуалы сопутствовали захоронению очень ограниченного круга людей. При этом обращает на себя внимание, что не только в нашей серии, но и в Зауралье в целом, насколько об этом можно судить по имеющимся данным, кремации и сожжению в могилах подвергались исключительно (?) лица женского пола, причем разных возрастов. Видимо, это характерно и для других областей расселения алакульских племен. Так, из четырех алакульских могил Лисаковского могильника (Центральный Казахстан), где найдены останки кремированных умерших, две, судя по инвентарю, принадлежали женщинам, а еще две — взрослым, пол которых из-за разграбленности захоронений установить не удалось [Усманова, 1992б, с. 103, табл.]. Аналогичные факты засвидетельствованы также при раскопках алакульских некрополей в других районах.

Примечательно также, что среди рассматриваемых захоронений немало парных, доля которых, видимо, была бы еще большей, если бы не разграбленность многих гробниц, где, надо полагать, сохранились кости отнюдь не всех умерших. Еще одной особенностью данных могил является пышное убранство покойниц, отправлявшихся в загробный мир в нарядных одеждах и с многочисленными украшениями. Показательной деталью инвентаря некоторых из них служат берестяные туески или иные емкости с металлической бижутерией, о наличии которых в погребениях можно судить не только по материалам могильников Верхняя Алабуга и Кулевчи 6, но и на основании нахождения фрагментов берестяных изделий в разграбленных могилах 7 и 25 Хрипуновского некрополя.

Если дальнейшие исследования подтвердят неслучайный характер перечисленных особенностей ритуала захоронения, состава погребенных и их инвентаря, в нашем распоряжении окажутся факты, свидетельствующие, скорее всего, не о специфических причинах смерти и не об особом прижизненном статусе лиц, подвергшихся кремации на погребальном костре или сожженных в своих могилах, а о том, что в потустороннем мире им была уготовлена особая роль. Какая — ответ на этот вопрос, может быть, даст дальнейшее исследование эсхатологической концепции раннеандроновских групп.

(1) Палеоантропологические коллекции изучены В. А. Дремовым и А. Н. Багашевым, которым автор искренне признателен.

(2) Здесь и далее для обозначения исследованных погребальных сооружений Чистолебяжского и Хрипуновского могильников используются аббревиатуры ЧМ и ХМ.

(3) Автор раскопок связывает этот факт с особенностями химического состава почв в районе расположения некрополя, констатируя, что косвенные признаки существования деревянных конструкций отмечены почти во всех изученных им крупных могильных ямах [Виноградов, 1984, с. 151].

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н. А. Жаман-Узен-2 — атасуский могильник Центрального Казахстана // КСИА. 1975. Вып. 142. С. 109–115.

Алексеев В. П. Палеодемография СССР // СА. 1972. № 1. С. 3–21.

Атхарваеда: Избранное. М.: Наука, 1989. 406 с.

Виноградов Н. Б. Кулевчи-VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. 1984. № 3. С. 136–153.

Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4. С. 53–73.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральск. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 228 с.

Дремов В. А. Палеодемография Еловского могильника-II (андроновского) // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Томск. ун-т, 1979. С. 66–69.

Евдокимов В. В., Усманова Э. Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурной общности из Центрального Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск: Челябинск. ун-т, 1990. С. 66–80.

Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казах-станских степей. Свердловск: Уральск. ун-т, 1988. 184 с.

Зяблин Л. П. Карасукский могильник Малые Копены-3. М.: Наука, 1977. 144 с.

Калиева С. С., Колбин Г. В., Логвин В. Н. Могильник у поселения Бестамак // Маргулановские чтения: Тез. Петропавловск: ИА АН Казахстана, 1992. С. 57–59.

Козинцев А. Г. Демография тагарских могильников // СЭ. 1971. № 6. С. 148–152.

Корякова Л. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук-III. Препринт. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. 72 с.

Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1948. Вып. 17. С. 57–172.

Матвеев А. В. Первые следы взаимодействия алакульских и ташковских племен Притоболья // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: Тюменск. ун-т, 1995. С. 48–52.

Матвеев А. В., Асташкина О. В., Никитина Н. Л. Исследование памятников андроновской эпохи на юге Западной Сибири // Археологические исследования в Сибири. Барнаул: Алтайск. ун-т, 1989. С. 43–44.

Матвеев А. В., Матвеева Н. П. Исследования в междуречье Тобола и Исети // АО 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 219–220.

Матвеев А. В., Матвеева Н. П., Зах Е. М., Буслова М. А. и др. Хрипуновский могильник: новые сведения о северных андроновцах // Западная Сибирь — проблемы развития. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. С. 3–19.

Могильников В. А. Исследования в Притоболье // АО 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 220–221.

Могильников В. А. Курганы Чистолебяжье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Челябинск. ун-т, 1984. С. 27–37.

Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы Чистолебяжье — памятник эпохи бронзы предтаежного Притоболья // Проблемы археологии Евразии. М.: Наука, 1991. С. 106–142.

Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Сальников К. В. Курганы на озере Алакуль // МИА. 1952. № 24. С. 51–71.

Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане // МИА. 1962. № 120. 207 с.

Сотникова С. В. Погребальный обряд андроновского населения по материалам могильника Ермак-IV // Обряды народов Западной Сибири. Томск: Томск. ун-т, 1990. С. 17–25.

Усманова Э. Р. К вопросу о соотношении обрядов труположения и трупосожжения у племен андроновской культурно-исторической общности // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным: Тез. докл. Томск: Томск. ун-т, 1985. С. 155–157.

Усманова Э. Р. К вопросу о биритуализме в погребальном обряде племен андроновской общности Сары-Арки // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Карагандинск. ун-т, 1987. С. 43–48.

Усманова Э. Р. Знаковый код в погребальном обряде могильника Лисаковский // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. и сообщений к науч. конф. Барнаул: Алтайск. ун-т, 1988. С. 83–84.

Усманова Э. Р. Андроновский погребальный обряд и проблема хронологии и периодизации (по материалам могильника Лисаковский) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. к Всесоюз. науч. конф. Барнаул: Алтайск. ун-т, 1991. С. 90–93.

Усманова Э. Р. Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск: Омск. ун-т, 1992а. С. 87–89.

Усманова Э. Р. Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Маргулановские чтения 1990: Сб. матер. конф. М.: ИА АН Казахстана, 1992б. Ч. 1. С. 97–104.

Федорова-Давыдова Э. А. Новые памятники эпохи неолита и бронзы в Оренбургской области // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Уральск. ун-т, 1962. Вып. 2. С. 16–20.

Федорова-Давыдова Э. А. Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 165–173.

Хабарова С. В. К вопросу об обряде сожжения в алакульской погребальной традиции (по материалам могильника Ермак 4) // Культурногенетические процессы в Западной Сибири: Тез. докл. Томск: Томск. ун-т, 1993. С. 47–49.

Хлобыстина М. Д. К вопросу о "биритуальных" обрядах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово: Кемеровск. ун-т, 1976. с. 8–15.

*Тюмень, Институт проблем освоения
Севера СО РАН*